

Е.А. СУСЛОПАРОВА

РИЧАРД ТОУНИ (1880–1962): ЛЕЙБОРИСТСКИЙ ИДЕОЛОГ ЭТИЧЕСКОГО СОЦИАЛИЗМА И УЧЕНЫЙ ИСТОРИК

Лейбористская партия Великобритании, всегда имевшая в своем арсенале немало искусных тактиков, одаренных пропагандистов, на каждом этапе своего развития остро нуждалась в настоящих теоретиках, мыслителях, способных донести до нации не просто перечень избирательных лозунгов, но и ее мировоззрение, идеологию. Таких фигур в XX столетии было не так уж много. Среди наиболее известных имен можно назвать С. Вебба, Г. Ласки, ревизионистского теоретика Э. Крослэнда, в конце XX в. Э. Гидденса и ряд других. За редким исключением “теоретики” никогда не возглавляли партию, тем не менее их вклад в историю британского лейборизма, его трансформацию в конечном счете не менее значим и принципиален в сравнении с ролью официальных лидеров и многочисленных партийных функционеров. Более того, без идеологов партия была бы совсем иной, всего лишь “предвыборной машиной”, лишенной теоретического фундамента и обреченной на постепенную деградацию.

Подобным мыслителем, чье имя практически весь XX в. оставалось нравственным ориентиром для нескольких поколений британских социалистов, был известный английский историк и политический философ Ричард Генри Тоуни. После Первой мировой войны в одной из своих работ он написал удивительно точные слова, которые и поныне сохраняют свою актуальность: “Парламент, промышленные организации, все устройство в комплексе, через которое общество себя реализует, – это мельница, перемалывающая только то, что в нее положено. Если внутри ничего нет, она толчет воздух”¹.

Именно Тоуни стал для британских лейбористов человеком, попытавшимся под партийную идеологию глубокую нравственную основу, донести до современников идею о необходимости переустройства общества на основе высоких этических, моральных, христианских принципов. Поэт С. Спендер передавал свое ощущение после окончания Первой мировой войны: “Мы отдавали себе отчет в том, что висим над пропастью, но не находили новых ценностей для замены пошатнувшихся опор”². Тоуни пытался найти эти ценности. В его взглядах можно было наблюдать своего рода квинт-эссенцию той эпохи, времени осознания необходимости перемен с целью создания более справедливого социального порядка. Перу автора принадлежат такие важнейшие общественно-политические работы, как “Стяжательское общество” (1921), выдержавшее множество переизданий и ставшее своего рода “бестселлером” межвоенных лет, “Равенство” (1931) и многие другие.

Учитывая, что в своих идеологических построениях Тоуни принципиальным образом расходился с марксистской доктриной, в нашей стране гораздо большую извест-

Суслопарова Елена Алексеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

¹ *Tawney R.H.* The Acquisitive Society. London, 1921, p. 3.

² *Spender S.* World within World. London, 1951, p. 3.

ность он приобрел как историк, оказавшийся после Второй мировой войны в эпицентре так называемой “дискуссии о джентри”, разгоревшейся в 40–50-е годы на страницах британского журнала “Экономик хистори ревью” (об этой дискуссии подробнее скажем ниже). В Великобритании столетие английской истории, предшествовавшее гражданским войнам, принято называть “веком Тоуни”. Ему он посвятил большинство своих исторических трудов – “Аграрная проблема в XVI веке” (1912), “Религия и подъем капитализма” (1926), “Возвышение джентри, 1558–1640” (1941). Автор не скрывал своего убеждения, возможно спорного для сторонников объективности в истории, что “каждое поколение должно писать свою собственную историю”. Он объяснял это тем, что “на новых участках пути открываются новые ландшафты. Появляются другие ответы, поскольку и вопросы задаются совсем иные”³. В действительности Тоуни–историк и Тоуни–социалист неотделимы друг от друга. Как справедливо отмечал один из его биографов, интерес его героя к истории явился следствием желания понять и изменить прежде всего мир современный⁴.

Изменить мир ему не удалось. Тем не менее, ко времени своей смерти в 1962 г. Тоуни оказался фактически канонизирован как на левом, так и на правом флангах лейбористской партии. Консервативная газета “Таймс”, не склонная без достаточных оснований превозносить заслуги социалистов, в связи с его 80-летием в 1960 г. писала о том, что “никто из ныне живущих людей не обратил в свою духовную и интеллектуальную веру больше людей, нежели Ричард Генри Тоуни”⁵. Когда М. Тэтчер стала лидером консервативной партии в 1975 г., правый журналист П. Уэстхорн, ссылаясь на то, что у нее нет представления об идейных основах британского социализма, советовал ей почитать именно Тоуни⁶.

И как человек, и как социалистический мыслитель он еще при жизни удостоился многих лестных оценок. Например, известная представительница фабианского социализма, современница Тоуни, Б. Вебб, не стеснявшаяся давать весьма нелицеприятные характеристики некоторым своим коллегам по партии, называла Тоуни “святым”⁷. Много позже Х. Гейтскелл, лидер лейбористов на рубеже 50–60-х годов, признавался, что Тоуни был лучшим человеком, которого он когда-либо знал, “демократическим социалистом в полном смысле этого слова”⁸. Известный политик Р. Кроссмэн характеризовал его книгу “Стяжательское общество” как свою “социалистическую Библию”⁹.

Не менее щедры в оценках были и британские исследователи. На родине Тоуни посвящено большое количество публикаций. Среди наиболее фундаментальных изданий следует назвать работы Р. Террилла, Э. Райта, Э. Хэлси и Н. Дениса и ряд других¹⁰. О нем принято говорить как о личности уникальной, “гранитном монументе”, по меткому определению Р. Террилла, “социалисте на все времена”¹¹, человеке, шагнувшем “за рамки и своего времени, и своей партии”, “фигуре, венчающей этический социализм всего XX столетия”¹².

Справедливости ради нужно отметить, что, конечно же, подобные восторженные оценки разделяют не все исследователи и публицисты. Так, например, яркий представитель британских “новых левых” А. Макинтур в начале 70-х годов в работе “Против иллюзий этого века”, ниспровергая лейбористскую идеологию, обвинял

³ *Terrill R.* *Tawney and His Times: Socialism as Fellowship.* Cambridge, 1975, p. 9.

⁴ *Ibid.*, p. 13.

⁵ *Times*, 28.XI.1960.

⁶ *Wright A. R.H.* *Tawney.* Manchester, 1987, p. 130.

⁷ *Terrill R.* *Op. cit.*, p. 6.

⁸ *Tawney R.H.* *The Radical Tradition: Twelve Essays on Politics, Education and Literature.* Harmondsworth, 1966, p. 221–223.

⁹ *Crossman R.* *The Charm of Politics.* London, 1958, p. 140.

¹⁰ *Dennis N., Halsey A.H.* *English Ethical Socialism: Thomas More to R.H. Tawney.* Oxford, 1988.

¹¹ *Terrill R.* *Op. cit.*, p. 5, 280.

¹² *Dennis N., Halsey A.H.* *Op. cit.*, p. 183, 149.

Тоуни в “слепоте” и отсутствии должной критики в адрес британских политических институтов¹³. Тем не менее в начале 80-х годов Тоуни вновь оказался востребован. Отколовшаяся от лейбористской партии группировка, заявившая о создании в 1981 г. социал-демократической партии, объявила его одним из своих основных идейных предшественников.

Впрочем, его имя было связано и продолжает ассоциироваться прежде всего с историей лейбористской партии. Интересно, что ее развитие и тактические маневры на разных этапах эволюции не всегда вызывали у Тоуни энтузиазм. В результате ему порой приходилось быть не только идеологом, но и критиком своей партии. Он никогда не стремился стать партийным функционером, политиком “первого эшелона”. Однако личность Тоуни, восхищавшая современников, его жизненный путь столь же интересны, сколь и написанные им тысячи страниц публицистических работ и исторических исследований. Что же представлял собой этот незаурядный человек, что повлияло на формирование его взглядов, какую роль он сыграл в судьбе лейбористской партии и насколько был удовлетворен ее развитием на протяжении нескольких десятилетий. На страницах данного очерка мы попытаемся дать ответ на эти вопросы.

МОЛОДЫЕ ГОДЫ

Ричард Тоуни, или просто Гарри, как называли его близкие друзья, родился в Индии, в Калькутте, 30 ноября 1880 г. в семье директора колледжа, известного специалиста по санскриту. По происхождению он принадлежал к верхушке среднего класса. В период промышленной революции Тоуни, проживавшие в окрестностях Оксфорда, сумели заработать немалое состояние на торговле и банковских операциях.

Семья покинула Индию, когда Тоуни был еще ребенком. В школьные годы во время учебы в Рагби Гарри познакомился с У. Темплом, своим ровесником, будущим архиепископом Кентерберийским. Эту детскую дружбу они сохранили на всю жизнь и взаимное влияние друг на друга двух неординарных личностей, один из которых со временем стал главным иерархом англиканской церкви, было весьма значительным. В 1899 г. Тоуни поступил в Оксфордский университет. Его главными наставниками в Бэллиол колледже были Э. Кэд и Ч. Гор, ученик английского философа-идеалиста Т. Грина. Под влиянием Гора, Тоуни, будучи студентом, начал задумываться над проблемой общественного воздействия христианских доктрин и даже вступил в Христианский общественный союз. Впоследствии именно епископу Гору Тоуни с благодарностью посвятил свою книгу “Религия и подъем капитализма”. Примерно в это же время он проявил интерес к социалистическим воззрениям. Одной из наиболее заметных фигур этого направления в Оксфорде в те годы был С. Болл. Во время пребывания Тоуни в университете была опубликована известная статья Болла “Социалистический идеал”, проникнутая идеями этического социализма¹⁴.

Среди других мыслителей, оказавших влияние на формирование личности будущего идеолога лейбористской партии, исследователи традиционно называют английского писателя У. Морриса, еще в начале 90-х годов XIX в. выразившего свои социалистические взгляды в романе “Вести ниоткуда, или эпоха счастья”; известного публициста, теоретика искусства Дж. Раскина, которому Тоуни посвятил одну из статей в 1919 г., а также британского поэта М. Арнольда¹⁵. Их всех объединяла резкая критика бездушия и безнравственности современного капиталистического мира. Что касается экономической истории, то, по воспоминаниям самого Тоуни, пожалуй, единственным человеком в Бэллиол колледже, поощрявшим его интерес в этом направлении, был профессор

¹³ *MacIntyre A.* Against the Self-Images of the Age. Essays in Ideology and Philosophy. London, 1971, p. 40–41.

¹⁴ *Wright A.* Op. cit., p. 2; Dictionary of Labour Biography. London, 2001, p. 559.

¹⁵ См., например: *Williams R.* Culture and Society 1780–1950. London, 1967, p. 216–220; *Dennis N., Halsey A.H.* Op. cit., p. 242.

П.Г. Виноградов¹⁶, специалист по аграрным проблемам средневековой Англии, живший и работавший в начале XX в. в Великобритании¹⁷.

Несмотря на то, что со временем Тоуни стал одним из наиболее известных ученых-историков своего поколения, в Оксфорде он не был блестящим студентом, активно занимался спортом, никогда не писал для студенческих газет и ничем особым до поры до времени не выделялся. Однако образ мыслей молодого выпускника в те годы емко охарактеризовал его учитель Э. Кэд: “Это был хаос великого ума”¹⁸.

Не менее значимы в плане становления личности Тоуни были последующие годы его работы в Тойнби-холле – университетском благотворительном учреждении на восточной окраине Лондона. Именно там Гарри еще больше сблизился со своим университетским товарищем, впоследствии известным английским либеральным экономистом, одним из идейных вдохновителей строительства “государства благосостояния” У. Бевериджем, дружба с которым, также как и с У. Темплом, продлилась не одно десятилетие. В Тойнби-холле перед Тоуни впервые в полном объеме открылась картина социальных контрастов в обществе, бедность и нищета Ист-Энда. Постепенно к нему приходит осознание того, что благотворительность способна лишь смягчить, но не решить проблемы нищеты рабочих окраин. Работа оказала существенное влияние на формирование Тоуни как социалиста.

В 1906 г. он принял предложение занять ставку преподавателя экономики в университете Глазго, где тесно общался с Т. Джонсом, человеком гораздо более далеким от церкви, нежели Тоуни, но активно к тому времени вовлеченным в политическую жизнь (позднее он будет личным секретарем нескольких премьер-министров страны). По мнению британского исследователя Р. Террилла, именно Джонс способствовал трансформации мировоззрения Тоуни “от абстрактного морального подхода к проблемам общества... к политическому подходу, опирающемуся на нравственные основы”¹⁹. Будучи членом Фабианского общества и Независимой рабочей партии, Джонс вовлек своего друга в орбиту обеих ведущих британских социалистических организаций того времени, куда Тоуни вступил соответственно в 1906 и 1909 г.

Впрочем, принципиальным рубежом в жизни молодого Тоуни явились все же не даты присоединения к политическим партиям и социалистическим организациям, а 1908 г., когда он впервые начал преподавать в учебных классах для взрослых рабочих при Оксфордском университете, организованных Рабочей учебной ассоциацией. С этой организацией Тоуни связал свою жизнь и судьбу на долгие десятилетия и впоследствии в течение многих лет (1928–1945 гг.) являлся ее бессменным председателем. По признанию британских исследователей, именно ассоциация в конечном счете завершила его становление как социалиста, сыграла решающую роль в формировании политических взглядов²⁰. Абсолютно лишенный какого-либо академического снобизма и высокомерия, обладавший колоссальной эрудицией, уже очень скоро Тоуни завоевал невероятную любовь и популярность среди своих учеников, основная масса которых была в ту пору гораздо старше своего учителя. Совершая ежедневные длительные переезды на поезде из одного пункта проведения занятий в другой, Тоуни, без преувеличения, стал в этот период “местной достопримечательностью”. Он любил подчеркивать, что научился в предвоенные годы у рабочих гораздо большему, нежели в университете. “Если бы меня спросили, где я получил наилучшее образование, – вспоминал впоследствии Тоуни, – я бы ответил, что это было не в школе или колледже, а в те дни, когда я был молодым, неопытным и самодовольным учителем в этих классах”²¹.

¹⁶ О нем подробнее см.: *Погодин С.Н.* Павел Гаврилович Виноградов (1854–1925). – Новая и новейшая история, 2006, № 2.

¹⁷ *Terrill R.* Op. cit., p. 25.

¹⁸ *Ashton T.S.* Richard Henry Tawney 1880 – 1962. – Proceedings of the British Academy, 1962, v. XLVIII, p. 461–462.

¹⁹ *Terrill R.* Op. cit., p. 35.

²⁰ *Ibid.*, p. 39; *Wright A.* Op. cit., p. 5.

²¹ *Tawney R.H.* The Radical Tradition, p. 86.

В 1908 г. дружба Тоуни с У. Бевериджем дополняется родственными узами. Он женится на его сестре Жаннетт Беверидж. С 1909 по 1913 г. они живут в Манчестере. Тоуни начинает регулярно писать для газеты “Манчестер гардиан” главным образом на тему образования. Самоотверженная работа в Рабочей учебной ассоциации, когда в течение семестра ему приходилось порой проверять по 500 ученических эссе, не помешала Тоуни начать в этот же период научную карьеру. В 1912 г. была опубликована его первая книга по экономической истории, явившаяся отправным пунктом для целого ряда последующих научных разработок и до сих пор остающаяся классической в английской историографии, – “Аграрная проблема в XVI веке”. В работе был представлен подробный исторический анализ аграрных отношений в английской деревне XVI в., показано влияние аграрной революции на социальное положение различных классов²². В 1914 г. Тоуни принял участие в подготовке публикации документов по английской истории, охватывающих период от норманнского завоевания до ранневикторианской эпохи²³.

В эти же предвоенные годы он вел дневник, изданный в 1972 г. Тоуни не предназначал его для публикации и делал записи исключительно для себя. Однако внимательный читатель легко увидит на этих страницах зачатки идей, которые позднее нашли свое полное выражение в наиболее известных работах автора. “Основа всякой морали, – писал он в 1913 г., – поверить в бесконечную значимость каждого человеческого существа и тем самым осознать, что никакие соображения выгоды не могут оправдать угнетения одного другим”. Однако, чтобы поверить в это, добавлял Тоуни, “необходимо поверить в Бога”²⁴. Уже в эти годы понятия справедливости и разумного управления экономикой были для него неотделимы от этических, христианских ценностей.

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

С началом Первой мировой войны Тоуни добровольно ушел рядовым на фронт, где вскоре был произведен в сержанты. Несмотря на религиозную веру и высокие нравственные убеждения, в отличие от многих лейбористов и своих коллег по Независимой рабочей партии²⁵, он не был пацифистом. Целый ряд таких известных лейбористских деятелей, как К. Гарди, будущий премьер-министр Р. Макдональд, Ф. Сноуден, категорически не приняли войну. У Тоуни же не было никаких сомнений относительно того, что это событие не должно пройти в стороне от него.

На фронте ему в полной мере довелось прочувствовать весь ужас и драматизм военного времени. В 1916 г. Тоуни написал несколько эссе о войне, небольших по объему, абсолютно лишенных какого-либо хвастовства и самолюбования, однако чрезвычайно ярко передающих чувства человека, впервые попавшего в многокилометровые окопы на французской территории. В этих воспоминаниях он выразил очень многое: нереальность происходящего на фоне “необъятного, бескрайнего спокойствия неба”; скуку и раздражение от бесконечного ремонта окоп, кишаших крысами; смешанные ощущения при постоянном виде умирающих, один из которых “посмотрел на меня с ненавистью... как будто проклиная за то, что я еще жив”²⁶.

Одновременно Тоуни познал в эти годы, что такое настоящее фронтовое братство и потеря близких людей. На страницах работы “Атака” он следующими словами харак-

²² См. подробнее: *Шарифжанов И.И.* Современная английская историография буржуазной революции XVII века. М., 1982, с. 14; *Мещерякова Н.М.* Прогрессивные историки Англии о народных движениях в буржуазной революции XVII века. – Буржуазные революции XVII–XIX веков в современной зарубежной историографии. М., 1986, с. 13–14.

²³ *Ashton T.S.* Op. cit., p. 464.

²⁴ R.H. Tawney’s *Commonplace Book*. Cambridge, 1972, p. 67.

²⁵ Формально Независимая рабочая партия входила в состав лейбористской партии с момента ее основания в 1900 г. (до 1906 г. лейбористская партия носила название – Комитет рабочего представительства).

²⁶ *Tawney R.H.* *The Attack and Other Papers*. Nottingham, 1981, p. 11–12, 15.

теризовал своего боевого товарища: “Маленький человек... самый добрый и смелый из друзей, которого не могла сломить усталость и не страшила опасность, каменщик по специальности, умевший делать абсолютно все, именно его из всех остальных я бы предпочел иметь рядом с собой в минуту крайней нужды; однако он уже мертв”. Тоуни описывает смерть своего денщика, день назад выгнанного им за пьянство, лежащего на поле боя “будто бы он отдыхает, если бы не огромная рваная дыра в его голове”, винит себя в ранении другого однополчанина, которого “опрометчиво” взял с собой обследовать траншею в дневное время²⁷.

Британские исследователи Н. Денис и Э. Хэлси справедливо отмечают, что на войне Тоуни увидел самую лучшую и одновременно самую ужасную Англию²⁸. Если в его довоенном отношении к рабочим и присутствовали определенные черты романтизма, пишет другой его биограф, они полностью испарились в годы войны. “Он понял, что быть эксплуатируемым само по себе не есть гарантия добродетели, а моральные ценности, на которые он опирался в своих общественных принципах, не являются исключительной монополией какой-то определенной группы или класса”²⁹.

То, что Тоуни и его товарищи проявили на этой войне, он сам называл не храбростью, а скорее духовной силой, поднявшейся над “животным желанием сохранить свою жизнь”³⁰. И поныне люди, читающие его воспоминания о том времени, поражаются “эмоциональной и интеллектуальной честности”, с которой они написаны. Э. Райт, например, сравнивает их со страницами из “Памяти Каталонии” Дж. Оруэлла, где также предельно откровенно переданы ощущения участника гражданской войны в Испании³¹.

Можно ли отнести Тоуни к так называемому “потерянному поколению”? Однозначно ответить на этот вопрос достаточно сложно. С одной стороны, он, безусловно, нашел свое место в мирные годы, был востребован в послевоенном мире и едва ли был несчастлив. С другой стороны, в статье “Некоторые размышления солдата”, впервые опубликованной в журнале “Нэйшн” в октябре 1916 г., Тоуни очень точно выразил настроения многих соотечественников, прошедших великую войну и вернувшихся с фронта. Иногда у меня возникают сомнения, что я дома, “я чувствую себя чужим человеком среди незнакомцев, чьи добрые намерения очевидны, но чей образ мыслей я не могу ни понять, ни полностью принять”, – писал он. Более того, именно в этом эссе Тоуни счел необходимым жестко заявить: “страна, в которую мы вернулись, это не та страна, за которую мы воевали”³².

Для него самого военные действия закончились в июле 1916 г. Тоуни задело осколком снаряда в первый же день сражения на реке Сомме, одном из самых кровопролитных времен Первой мировой войны. Потеряв почти всех своих боевых товарищей, он пролежал на поле боя более суток, заметив впоследствии, что описание Л.Н. Толстым ранения князя Андрея под Аустерлицем было вполне достоверным³³. Тоуни проходил лечение в госпитале в Оксфорде, в отделении для обычных солдат, обложившись книгами и дымя сигарой. Старшая медсестра сочла его неряшливым и упрямым и была весьма удивлена, когда в больнице столь странного пациента посетил епископ Бирмингемский Ч. Гор. После его ухода сестра упрекнула Тоуни: “Почему вы не сказали нам сразу, что вы джентльмен?”³⁴. Он никогда не считал возможным привлекать к себе особое внимание, полагая, что просто не имеет на это права.

Х. Гейтскелл вспоминал позднее, что, когда познакомился с Тоуни в середине 20-х годов, он по-прежнему использовал в качестве домашней одежды свой старый ки-

²⁷ Ibid., p. 14, 16.

²⁸ Dennis N., Halsey A.H. Op. cit., p. 161.

²⁹ Terrill R. Op. cit., p. 50.

³⁰ Tawney R.H. The Attack and Other Papers, p. 14.

³¹ Wright A. Op. cit., p. 21.

³² Tawney R.H. The Attack and Other Papers, p. 21–22.

³³ Ibid., p. 18.

³⁴ Terrill R. Op. cit., p. 51.

тель сержанта Первой мировой войны. “Удивительно было видеть, – писал Гейтскелл, что член Лондонской школы экономики, величайший социалистический философ своего поколения не только до сих пор хранит этот китель, но и действительно его носит”³⁵. Таким был Тоуни. Без этих незначительных, казалось бы, деталей его личность понять и представить себе невозможно.

ВЗЛЕТ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОЙ КАРЬЕРЫ В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

Послевоенные годы явились в жизни Тоуни наиболее плодотворными. В 1918 г. он вступил в лейбористскую партию. Взлет, совершенный ею в 20-е годы, был поистине феноменален. Заметно возросшее в годы войны значение государства в решении экономических, социальных проблем по-новому поставило вопрос о его роли в мирное время, что отвечало интересам британских социалистов с их традиционным акцентом на усиление государственного присутствия. Расширению электората партии в значительной мере способствовала избирательная реформа 1918 г., открывшая дорогу к избирательным урнам широким массам малообеспеченных людей, как мужчин, так и женщин, восприимчивых к социал-демократической пропаганде. В успехе лейбористов 20-х годов сыграл свою роль и общий рост профсоюзов, на основе коллективного членства в большинстве своем входивших в лейбористскую партию. Наконец немалое значение имели изменения, произошедшие в конце войны, в самой партии: введение индивидуального членства, массовое создание по всей стране постоянных местных лейбористских организаций в избирательных округах, а также принятие в 1918 г. первой в истории программы партии, призывавшей к национализации целого ряда ведущих отраслей экономики, кардинальным изменениям налогового законодательства, установлению общенационального минимума заработной платы. Все эти факторы, а также раскол и упадок либералов, способствовали тому, что уже в 1924 г. лейбористы впервые в истории получили возможность сформировать собственное правительство.

В послевоенные годы Тоуни несколько раз баллотировался в Палату общин. В 1918 г. от Рочдейла, в 1922 г. от Тоттенема (на дополнительных и всеобщих выборах) и в 1924 г. от Суиндона. На фоне стремительного роста количества лейбористов-парламентариев в эти годы все четыре попытки Тоуни были безуспешны. Позднее он с иронией говорил друзьям, обращавшимся к нему с просьбой выступить в ходе избирательной кампании в их поддержку, что в этом деле принесит только несчастье³⁶.

Трудно сказать, что было причиной того, что Тоуни так и не попал в парламент. Сам он откровенно признавался, что во всех случаях был забаллотирован “совершенно заслуженно”. Он был, прежде всего, “человеком пера”. Тоуни не обладал должным напором и энергией оратора-пропагандиста. Много позже, в 1935 г., лейбористы предложили ему “надежный округ”, но он отказался³⁷.

Тем не менее в эти годы Тоуни выходит на авансцену национальной политики. В 1919 г. в качестве члена лейбористской партии он принимает участие в работе известной королевской комиссии Дж. Сэнки, созданной правительством Д. Ллойд Джорджа для изучения положения дел в угольной промышленности и по своему составу представляющей как интересы Федерации горняков, так и углепромышленников. В июле 1919 г. комиссия представила свой окончательный доклад, в котором большинство ее членов (шесть представителей шахтеров, в том числе и Тоуни, и председатель судья Дж. Сэнки) высказались за национализацию угольной отрасли. Предложения комиссии не были в итоге реализованы, однако сам факт принятия после войны большинством королевской комиссии подобного решения был весьма примечателен. В ее работе участвовал известный фабианский историк и публицист С. Вебб. Его жена, Беатриса, писала в своем дневнике, что в 1919 г. Тоуни произвел на ее мужа огромное впечатление

³⁵ *Tawney R.H.* The Radical Tradition, p. 221.

³⁶ *Terrill R.* Op. cit., p. 53, 63.

³⁷ *Ibid.*, p. 63.

“своим личным обаянием, спокойной мудростью и пронзительным интеллектом”³⁸. Одновременно в послевоенные годы Тоуни начинает преподавать в Лондонской школе экономики – одном из самых известных высших учебных заведений британской столицы.

Впрочем, настоящую славу в эти послевоенные годы ему приносят книги. То обстоятельство, что Тоуни профессионально занимался историей, придавало его произведениям общественно-политического плана особую тональность. Призыв к социализму, прозвучавший на страницах “Стяжательского общества”, “Равенства” и других работ, был весьма далек от какого бы то ни было агитационного пафоса и пропагандистских уловок. Автор, прежде всего, пытался заставить читателя взглянуть на окружающий мир другими глазами. “Бывают непростые времена, когда идти проторенной дорогой уже недостаточно. Необходимо выяснить, куда она ведет и, если она ведет в никуда, выбрать другую. Поиски другого пути предполагают размышление”³⁹. Эти строки ярко отражают исходную позицию Тоуни, человека, призывающего современников задуматься над тем, что происходит вокруг.

В чем же была суть его общественно-политических воззрений, выносимых на суд читателя? В отношении современного ему общества Тоуни употреблял эпитет “стяжательское”⁴⁰. В нем доминируют ложные ценности – жадность, эгоизм, бездушие, презрение к религии, желание обогатиться за счет других. Философия, лежащая в его основе, безнравственна. С точки зрения автора, ненасытная алчность, захватившая людей, никогда не позволит этому обществу достичь гармонии и социального мира. В своей известной исторической работе “Религия и подъем капитализма”, также вышедшей в 20-е годы, он писал: “Компромисс... невозможен между христианской церковью и поклонением богатству, которое является настоящей религией капиталистических обществ”⁴¹. Вслед за английским публицистом, теоретиком искусства Дж. Раскиным и поэтом М. Арнольдом Тоуни резко выступал против индустриализма, наращивания производства любой ценой, пренебрежения всем, что не содействует экономической активности. Он считал в корне неверной популярную идею о том, что промышленные конфликты закончатся, если индустриальное производство возрастет и все станут богаче. “Люди будут бороться за 30 фунтов в неделю вместо 20, – писал Тоуни, – с таким же упорством, как за 5 вместо 4”⁴².

Стяжательскому обществу он противопоставлял общество функциональное. Права людей, считал Тоуни, должны быть поставлены в четкую зависимость от выполнения функций – деятельности на благо общества, воплощающей в себе некую общественную цель⁴³. Не исключено, что в данном случае на него повлияла теория функций, разработанная испанским публицистом Рамиро де Маэзту, чья книга “Власть, свобода и функция в свете войны” в 1916 г. была опубликована на английском языке⁴⁴. Впрочем, специфика концепции Тоуни, позволявшая его работам быть востребованными спустя многие десятилетия, состояла в том, что он, в отличие от многих своих современников, не просто указывал на те или иные пороки окружающего мира, но и предпринимал попытку подняться над сиюминутными проблемами, охарактеризовать капитализм как цивилизацию, вне зависимости от уровня экономического прогресса, в целом морально несостоятельную. В результате его критика капитализма оказалась гораздо более глубока и существенна, нежели разоблачение пороков межвоенной Британии.

³⁸ *Webb B. Diaries, 1912–1924. London, 1952, p. 161.*

³⁹ *Tawney R.H. The Acquisitive Society, p. 2.*

⁴⁰ *Ibid., p. 32.*

⁴¹ *Tawney R.H. Religion and the Rise of Capitalism. London, 1927, p. 286.*

⁴² *Tawney R.H. The Acquisitive Society, p. 45.*

⁴³ *Ibid., p. 9.*

⁴⁴ *Maetzky R.de. Authority, Liberty and Function in the Light of the War. London – New York, 1916.*

В своих социалистических построениях Тоуни, как яркий представитель этического социализма, открыто полемизировал с марксизмом. Он в целом не был согласен с марксистским утверждением о неумолимости исторического развития и неизбежности наступления социалистической формации. “Я не разделяю марксистского средневикторианского убеждения в неизбежности прогресса, – писал он в начале 50-х годов, – я не считаю, что общественное развитие – это автоматически восходящая спираль с социализмом как высшей точкой. Напротив, я думаю, что в отсутствие длительных всемерных усилий дорога может с такой же вероятностью вести под уклон, как и вверх”. Тоуни утверждал, что контуры нового общества будут зависеть только от силы духа и желания людей, а не от какой-то “мистической исторической необходимости”⁴⁵.

Сам мыслитель, вслед за английским писателем У. Моррисом, скорее представлял себе социализм как образ жизни, систему ценностей, среди которых в его работах, определяющую роль играли ключевые для этического социализма понятия свободы, братства и равенства. При этом Тоуни вступал в определенную полемику с английской политической традицией, часто рассматривавшей свободу и равенство как явления несовместимые. Он полагал, что равенство несовместимо лишь с определенным толкованием свободы – возможности для индивидуума делать все, что ему заблагорассудится. К тому же Тоуни правомерно обращал внимание на то, что доминирование в современном ему мире крупных промышленных корпораций привело к выхолащиванию понятия индивидуальной свободы, свойственного идеологам классического либерализма. Свобода же, доступная всем, без ущерба для других, считал он, всегда будет ограничена. Помимо гражданских и политических прав, она должна содержать в себе и гарантию того, что экономически слабые не будут предоставлены на милость экономически сильным⁴⁶.

Что касается равенства, то Тоуни справедливо подчеркивал, что на протяжении истории представления о нем всегда были обусловлены особенностями той или иной эпохи. В итоге неравенства феодального прошлого были осуждены, а неравенства индустриального будущего получили благословение⁴⁷. Автор не был ни противником частной собственности, ни сторонником какого-либо жесткого экономического равенства. Наряду с этим, он категорически не принимал концепцию равных возможностей, в жестокой конкурентной борьбе предоставляющей любому шанс подняться по социальной лестнице. Тоуни настаивал на том, чтобы каждый, вне зависимости от того места, которое он занимает в общественной иерархии, имел возможность вести достойную жизнь. Если индивидуум будет жить в здоровых условиях, иметь возможность получить должное образование, самые шокирующие из современных неравенств будут устранены, писал он⁴⁸.

Не удивительно, что всю жизнь Тоуни так волновала проблема образования. В этой связи британский исследователь А. Баркер писал о решающем вкладе Тоуни в формирование партийной политики в этом направлении⁴⁹. Никто из людей, полагал Тоуни, не должен быть лишен возможности соприкоснуться с богатейшим наследием, которое оставила цивилизация. Образование Тоуни считал великим объединяющим началом и посвятил ему огромное количество работ, среди наиболее известных – “Среднее образование для всех” (1922), “Образование. Социалистическая политика” (1924). В них автор настойчиво выступал за создание в Англии единой демократической универсальной системы, при которой начальное и среднее образование были бы организованы как две ступени одного процесса⁵⁰.

⁴⁵ *Tawney R.H.* The Radical Tradition, p. 178.

⁴⁶ *Tawney R.H.* Equality. London, 1931, p. 244. Книга “Равенство” формально вышла в 1931 г., однако в ее основу были положены лекции, прочитанные двумя годами ранее.

⁴⁷ *Ibid.*, p. 136.

⁴⁸ *Ibid.*, p.150, 211.

⁴⁹ *Barker R.* Education and Politics 1900–1951. A Study of the Labour Party. Oxford, 1972, p. 37.

⁵⁰ *Tawney R.H.* Secondary Education for All. London, 1922; *idem.* Education. The Socialist Policy. London, 1924. В целом из 335 статей Тоуни на различные темы, 205 были посвящены непосредственно образованию: *Greenleaf W.H.* The British Political Tradition, v. II. London – New York, 1983, p. 461.

Понятие братства в работах Тоуни также выступало в качестве важнейшей нравственной ценности. Его биограф Р. Террилл не случайно применяет в отношении взглядов своего героя формулировку “социализм как братство”. Тоуни был убежден, что люди могут попытаться создать более совершенный порядок, только если ощутят свою родственность, близость перед лицом высшей божественной силы. Ярким подтверждением этого является цитата из У. Морриса, которая впоследствии станет эпитафией к одной из его книг – “братство – это жизнь, отсутствие братства – смерть: и все, что вы делаете на земле, делается во имя братства”⁵¹. На фоне многочисленных публикаций современников-лейбористов его поколения, таких, как Р. Макдональд, Ф. Сноуден и других, работы Тоуни прежде всего отличались глубиной содержания и отсутствием какого-либо налета пропагандистской литературы, что не могло не вызвать отклика у вдумчивого читателя.

Каким же образом можно было, с точки зрения автора, реализовать на практике альтернативу стяжательскому обществу? Тоуни предлагал социализм как нравственный выбор, полагаясь на разум и волю людей. «Они идеализировали деньги и власть, они могут “выбрать” равенство»⁵². Именно нравственный выбор, с его точки зрения, был единственным средством, с помощью которого мог быть достигнут и, что не менее важно, поддерживаться действительно иной общественный порядок. Социализм Тоуни в британской историографии обычно называют демократическим социализмом, подчеркивая бескомпромиссную приверженность мыслителя принципам демократии⁵³. Малейшая возможность принесения ее идеалов в жертву новому порядку была для него категорически неприемлема. Проблема нравственного выбора, вполне обоснованно поставленная автором, по праву считается британскими исследователями ядром его социализма⁵⁴.

Впрочем, наряду с порой весьма пространными рассуждениями, встречающимися в работах Тоуни, представляется, что именно это было одним из наиболее слабых звеньев в его логической цепочке, поскольку тем самым автор, возможно намеренно, игнорировал весь комплекс проблем, связанный с реализацией на практике подобного “выбора”. К тому же приходится признать, что избыточный драматическими событиями XX в. явил миру целый комплекс вопросов, далеко выходящих за рамки стяжательской морали, перед лицом которых нравственного выбора окажется порой недостаточно.

Тем не менее взгляды Тоуни, его рассуждения о необходимости переустройства общества на основе этических, нравственных ценностей в послевоенные годы произвели на современников, причем не только рабочих, огромное впечатление. Один из его биографов с юмором приводит красноречивый пример, как одна дама, принадлежащая к респектабельной консервативной семье, как-то “случайно” прочла “Стяжательское общество” и с тех пор всю жизнь голосовала за социалистов⁵⁵. Таких людей было немало. С точки зрения современницы Тоуни, известной активистки фабианского движения М. Коул, в его книгах прозвучал “возможно наиболее сильный из всех послевоенных призывов к социализму”⁵⁶. Не удивительно, что лейбористская партия в 20-е годы постепенно начинает активно привлекать Тоуни к написанию своих программных документов и предвыборных манифестов. Известным фактом является то, что именно он явился главным автором партийной программы 1928 г. “Лейборизм и нация”, по сути, первого в 20-е годы широкомасштабного изложения представлений и идеалов лейбористского движения⁵⁷. В этом документе Тоуни был призван общими

⁵¹ *Tawney R.H. The Attack and Other Papers.*

⁵² *Tawney R.H. Equality*, p. 288.

⁵³ *Terrill R. Op. cit.*, p. 270; *Dennis N., Halsey A.H. Op. cit.*, p. 151.

⁵⁴ *Wright A. Op. cit.*, p. 105.

⁵⁵ *Terrill R. Op. cit.*, p. 53.

⁵⁶ *Cole M. The Story of Fabian Socialism. London, 1961*, p. 187.

⁵⁷ См. подробнее: *Суслопарова Е.А. Эволюция лейбористской партии Великобритании во второй половине 20-х гг. XX века. М., 2007*, с. 211–241.

мозками нарисовать приемлемую для избирателя, “не пугающую” картину социализма как общества гармоничного, предоставляющего социальную защищенность всем своим членам, нравственно стоящего неизмеримо выше современного строя. К тому же его работы никогда не были классовым обращением к классовой аудитории. В конце 20-х годов, когда лейбористы во главе с Р. Макдональдом настойчиво пытались представить себя как партию не просто рабочую, а общенациональную, надклассовую, привлечь на свою сторону разнообразный по социальному составу электорат, это качество Тоуни как публициста оказалось для них весьма востребованным. С программой “Лейборизм и нация” партия победила на выборах 1929 г.

30-е ГОДЫ – ПЕРИОД РАЗДУМИЙ И РАЗОЧАРОВАНИЙ

В 1931 г. Тоуни становится профессором Лондонской школы экономики. С этого времени преподавательская и научная деятельность стали его основным занятием. Друг Тоуни Т. Эштон высказывает предположение, что возросшая к тому времени неприязнь лейбористского идеолога к тогдашним лидерам партии сыграла свою роль и, возможно, навела его на мысль, что он будет в этот период более полезен как ученый-историк и преподаватель⁵⁸.

Академические заслуги Тоуни к началу 30-х годов были широко известны. Публицистическая деятельность, отнимавшая немало времени в предыдущее десятилетие, не помешала ему активно заниматься историей. Еще в 1926 г. вышла принципиальная по своей значимости книга “Религия и подъем капитализма”. Научный труд, отвергнутый первым издателем как слишком скучный, уже вскоре был переведен на многие языки⁵⁹ и стал, по сути, “визитной карточкой” Тоуни-историка. В отличие от известного немецкого исследователя М. Вебера, полагавшего, что протестантская этика со свойственным ей акцентом на личное преуспевание и экономическую деятельность во многом способствовала зарождению капитализма, Тоуни был склонен считать несколько иначе. С его точки зрения, скорее уместнее было говорить о том, что сам протестантизм был вынужден адаптироваться к капиталистическому развитию⁶⁰. В работе автор проследивал подъем капитализма в Англии XVI–XVII вв., анализировал, как христианское учение оказалось в конечном счете подчинено пуританской погоне за материальным благополучием. В том же году вместе с У. Эшли, профессором Дж.Р. Скоттом и Э. Пауэр Тоуни принял участие в создании Общества экономической истории и в течение последующих семи лет являлся соредактором журнала “Экономик хистори ревью”. В эти же годы, вместе с Э. Пауэр, он подготовил публикацию трехтомного издания по экономической истории времен Тюдоровов⁶¹. В 1934 г. Тоуни официально стал членом Британской Академии⁶².

Преподаватель Тоуни пользовался любовью и уважением. Он не любил импровизировать. Лектор практически всегда имел при себе подробные тексты выступлений, написанные неразборчивым, крючковатым почерком. Среди учеников больше любил задающих вопросы, нежели всезнаек, заранее готовых дать ответ на любой вопрос. О неряшливости Тоуни ходили легенды. Например, карманы его твидового пиджака, полные всякого хлама, не раз начинали дымиться на глазах у изумленных студентов⁶³. В быту он также был весьма своеобразен, непривередлив и к тому же не избалован своей женой Жаннетт, выросшей в Индии в окружении слуг и без особого энтузиазма несшей на своих плечах обязанности хозяйки в доме весьма среднего достатка.

⁵⁸ *Ashton T.S. Op. cit.*, p. 471.

⁵⁹ Характерно, что “пиратское издание” вышло даже в фашистской Италии.

⁶⁰ См.: Историческая наука в XX веке. Историография истории нового и новейшего времени стран Европы и Америки. М., 2002, с. 70.

⁶¹ *Ashton T.S. Op. cit.*, p. 469.

⁶² *Terrill R. Op. cit.*, p. 83.

⁶³ *Ibid.*, p. 65.

На страницах одной из биографий Тоуни приводится яркий эпизод, наглядно подтверждающий, с каким пренебрежением герой книги порой относился к материальной стороне жизни и вообще к английской респектабельности. Однажды после войны, когда Тоуни уже жили в Лондоне, во время отъезда Жаннетт, У. Темпл зашел навестить своего старого друга Гарри. Проговорив с гостем несколько часов, Тоуни решил наконец чем-нибудь угостить своего приятеля. Ничего кроме нескольких холодных бараньих котлет в доме не нашлось. Тем не менее друзья охотно съели их без гарнира. Поскольку время уже было позднее, У. Темпл улегся спать на скамейке, стоящей у выступающего окна гостиной. Ночью полицейский, совершавший обход территории, увидев при свете уличного фонаря странную фигуру, решил проверить, все ли в порядке. Когда он понял, что нарушил сон респектабельного церковного сановника, удивление его было весьма велико⁶⁴. Биограф Тоуни Р. Террилл считает, что влияние Тоуни на своего друга У. Темпла в конечном счете было даже существеннее, поскольку Темпл с большим энтузиазмом интересовался общественными вопросами, волновавшими Гарри, нежели последний был готов погрузиться в глубины теологии. Несмотря на искреннюю религиозную веру, Тоуни в целом оставался человеком светским⁶⁵.

В начале 30-х годов Тоуни дважды посетил Китай. Институт Тихоокеанских отношений пригласил его заняться изучением сельского хозяйства и промышленности Китая накануне своей Шанхайской конференции 1931 г. Итогом длительного путешествия явилась книга “Земля и труд в Китае”, вышедшая в 1932 г. Тоуни, признавая буржуазный характер изменений, произошедших в результате китайской революции 1911 г., пророчески писал о том, что новая власть не способна удовлетворить интересы крестьян⁶⁶.

Предвоенное десятилетие явилось и периодом горьких раздумий Тоуни относительно дальнейшей судьбы британских лейбористов. Время надежд и стремительного роста партии в 20-х годах сменилось в 30-е годы периодом сомнений и разочарований. Второй лейбористский кабинет Р. Макдональда, продержавшийся у власти чуть более двух лет (1929–1931), не оставил яркого реформаторского следа. В 1930 г. Тоуни пригласили в правительственный экономический консультативный комитет, назначенный Макдональдом. Однако его деятельность была малоэффективна. Последующие события наглядно продемонстрировали, что лейбористы не были готовы представить действенные, адекватные меры борьбы с навалившимся на страну мировым экономическим кризисом начала 30-х годов. В результате в августе 1931 г. в лейбористском правительстве произошел раскол по вопросу о возможности сокращения социальных расходов с целью покрытия колоссального бюджетного дефицита. В итоге несколько членов кабинета во главе с премьером выразили готовность войти в коалиционное по составу национальное правительство с участием консерваторов и части либералов, намеренное проводить в дальнейшем политику жесткой экономии государственных средств. Большая же часть лейбористов ушла в непримиримую оппозицию. Беспрецедентные по накалу страстей события в истории партии закончились тем, что в сентябре 1931 г. Макдональд и его сторонники были исключены из лейбористских рядов как “предатели”, переметнувшиеся в лагерь буржуазных партий. А в октябре 1931 г. социалисты потерпели свое самое сокрушительное за все межвоенные годы поражение на парламентских выборах. Эта конфронтация бывших партийных соратников в начале 30-х годов серьезно ударила по престижу лейбористов и явилась одним из самых драматичных эпизодов за всю британскую партийно-политическую историю XX в.

Тоуни глубоко переживал происходящее. Он никогда не любил Макдональда и после поступка 1931 г., судя по всему, презирал. Р. Террилл объясняет эту неприязнь следующим образом: “Между этими людьми не было ничего общего: Макдональд был ненадежным плебеем, стремившимся наверх, Тоуни бесстрашным патрицем, тянув-

⁶⁴ Ibid., p. 58.

⁶⁵ Ibid., p. 58–59.

⁶⁶ *Tawney R.H. Land and Labour in China. London, 1932, p. 74.*

шимся вниз”⁶⁷. Данная характеристика весьма субъективна⁶⁸. Скорее всего, для Тоуни было очевидно, что Макдональд всегда был в большей степени искусным партийным тактиком, нежели ревностным социалистом. В системе ценностей Тоуни последнее качество было важнее. Интересно, что в 1933 г., будучи главой национального, но уже не лейбористского кабинета, Макдональд предложил ему титул лорда. Гарри лаконично выразил свой отказ в короткой записке: “Что плохого я сделал лейбористской партии?”. Много лет спустя одному из своих знакомых, вслед за ним отклонившему подобное предложение лейбористского премьер-министра К. Эттли в 40-е годы, Тоуни сказал, что это глупо. На изумленный вопрос, почему, он ответил: “В вашем случае предложение было сделано человеком честным. В моем случае – нет”⁶⁹.

В 1934 г. на страницах журнала “Политикэл куотерли” Тоуни опубликовал большую статью, содержащую глубокий и нелестный анализ состояния современной ему лейбористской партии. Теперь, когда пыль после кризиса 1931 г. уже осела, писал он, “настала пора внимательно изучить ландшафт, образовавшийся в результате землетрясения”⁷⁰. Несмотря на стремительный успех лейбористов в предыдущее десятилетие, Тоуни не скрывал своего разочарования конкретной деятельностью первых двух кабинетов Макдональда 1924 и 1929–1931 гг. “Деградация социалистических партий в тот момент, когда они наконец достигают политической власти, теперь уже старая история”, – отмечал он. Тоуни считал, что лейбористы, сумев привлечь к себе значительную массу электората, оказались в итоге сильны скорее количественно, но не качественно. Он полагал, что при Макдональде партия затрала слишком много усилий, чтобы победить в округах, где большинство населения по-прежнему не верило в социалистические принципы. Характерно, что этот упрек в адрес своей партии не носил у него какого-либо ярко выраженного классового оттенка. Тоуни относил его и к тем рабочим избирателям, привлеченным на сторону лейборизма, которых волновали в 20–30-е годы не коренные изменения в обществе, а всего лишь материальные податки со стороны правительства⁷¹.

Автор, сам “приложивший руку” к написанию теоретических разделов партийной программы 1928 г. и отчасти 1934 г.,⁷² скептически размышлял о том, что разнообразные лейбористские предвыборные обещания порой напоминают ему “лес из рождественских елок”, где есть специальный подарок для каждого англичанина. Программы “соединяют вместе великие и малые вещи, – отмечал он, – в одном предложении может идти речь о национализации земли, шахт и банковской системы, в другом – о запрете охоты на лис”. В результате лейбористы “нерешительны в своих действиях... и не достигают всего, что могут, поскольку толком не знают, чего хотят”⁷³. Тоуни полагал, что после кризиса 1931 г. и расставания партии с Макдональдом настала пора более четко расставить приоритеты ее политики. Для этого лейбористы не должны больше в угоду конъюнктуре скрывать свое социалистическое лицо и намерение кардинально изменить существующий порядок вещей, считал он. Чтобы больше не бездействовать у власти партия должна, находясь в оппозиции, убедить страну в правомерности и необходимости социалистических реформ. Перспектива того, что это может на долгие годы отложить формирование следующего кабинета Тоуни в 30-е годы не пугала⁷⁴.

⁶⁷ *Terrill R.* Op. cit., p. 72.

⁶⁸ О Р. Макдональде см., например: *Сулопарова Е.А.* Джеймс Рамзей Макдональд (1866–1937). К политическому портрету лейбористского лидера. – Новая и новейшая история, 2003, № 4.

⁶⁹ *Terrill R.* Op. cit., p. 6.

⁷⁰ *Tawney R.H.* The Attack and Other Papers, p. 52.

⁷¹ *Ibid.*, p. 54–57.

⁷² *Terrill R.* Op. cit., p. 78.

⁷³ *Tawney R.H.* The Attack and Other Papers, p. 55, 57, 64.

⁷⁴ *Ibid.*, p. 62, 65–66.

В целом в своих рассуждениях относительно лейбористских достижений и перспектив в 30-е годы он был прав лишь отчасти. Тоуни совершенно верно отмечал свойственное времени Макдональда стремление партии продемонстрировать стране, что лейбористские кабинеты – это не разрыв с буржуазным прошлым, а прежде всего надежные и компетентные администрации, способные не хуже соперников достойно справляться с обязанностями правительства Великобритании. Однако представляется, что подобный умеренный “несоциалистический” курс и акцент, в особенности во второй половине 20-х годов, на работу с разнообразным по социальному составу избирателем в конечном счете принес немалые плоды, которые Тоуни недооценивал. Во-первых, он позволил лейбористам превратиться в послевоенное десятилетие из “партии протеста” в “партию власти”. Во-вторых, дал им возможность, помимо левого фланга, отчасти занять политический центр и за счет этого оттеснить на третье место некогда могущественных либералов. Тем не менее, как и многие лейбористы его поколения, пережившие трагический для партии 1931 г., Тоуни испытывал разочарование в результатах политики предыдущего десятилетия, и его публичные выступления в печати тех лет стали ярким тому подтверждением.

Наряду с этим, предвоенное десятилетие явилось временем консолидации на европейском континенте двух тоталитарных режимов – в СССР и в Германии, проповедовавших совершенно различную идеологию, но ни в первом, ни во втором случае не вызывавших у Тоуни как современника никаких иллюзий. По своим взглядам он был убежденным демократом. На обратном пути из Китая в начале 30-х годов Тоуни посетил Россию и, по свидетельству Б. Вебб, был в достаточной степени осведомлен о жестокостях строительства “казарменного социализма”. Однако, в отличие от своих близких друзей Сиднея и Беатрисы, опубликовавших несколько книг, посвященных советской России, он как исследователь не был увлечен сталинским экспериментом.

Что касается нацистской Германии, его позицию предельно ясно передают следующие слова: «Ни один известный истории тиран не описывал миру столь четко то будущее, которое он ему уготовил, как это сделал канцлер Германского Рейха. Если у кого-то есть сомнения относительно предложенной им перспективы, пусть почитает “Майн Кампф”, и не в издании, подготовленном для англо-саксонских глупцов с исключением нежелательных мест, а в оригинальной, подлинной версии»⁷⁵. Тоуни прекрасно видел, что происходило в 30-е годы и активно помогал ученым-беженцам из Центральной Европы⁷⁶. В отличие от некоторых социалистических партий, например во Франции, одобрявших Мюнхенское соглашение 1938 г. с Гитлером о разделе Чехословакии, подписанное британским премьер-министром Н. Чемберленом и французским лидером Э. Даладье, лейбористская партия не разделяла проводимую правительством в те годы политику умиротворения агрессора и осудила договор⁷⁷. Впоследствии Тоуни называл Н. Чемберлена “мастером успокоительных слов”⁷⁸.

Весной 1939 г. Тоуни по приглашению американского профессора Дж. Нэфа отправился в США, в Чикагский университет, с лекциями по английской истории XVII в., а также по проблемам британской социал-демократии. Визит оказался настолько успешным, что ему предложили постоянную ставку профессора Чикагского университета с тем, чтобы историк мог остаться работать в США. Однако, несмотря на неприятие снобизма британского истеблишмента, Тоуни был “до мозга костей” англичанином. Он никогда не ощущал себя космополитом и, по верному замечанию одного из биографов, всегда считал Лондон центром вселенной. Америка “была для него лишь местом, но не цивилизацией”⁷⁹. Тоуни отклонил предложение, тем не менее в дальнейшем еще не раз приезжал в Соединенные Штаты.

⁷⁵ *Tawney R.H. Why Britain Fights. London, 1941, p. 9.*

⁷⁶ *Terrill R. Op. cit., p. 83.*

⁷⁷ *Mowat Ch. Britain between the Wars, 1918–1940. London, 1955, p. 621.*

⁷⁸ *Tawney R.H. The Attack and Other Papers, p. 78.*

⁷⁹ *Terrill R. Op. cit., p. 15, 93.*

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

После начала Второй мировой войны приезд Тоуни в 1941 г. в США был связан с получением почетной степени Чикагского университета. Однако он задержался в Америке вплоть до сентября 1942 г. поскольку английское правительство обратилось к нему с просьбой стать советником по рабочему вопросу при британском посольстве в Вашингтоне. В ту пору Тоуни было уже за 60, но он согласился, объясняя это тем, что в военное время считал себя обязанным быть привлеченным к государственной службе. В течение года Тоуни путешествовал по стране, бесконечно выступая перед профсоюзными активистами, а также в учебных заведениях по рабочей политике. “Я уже стал ненавидеть звук собственного голоса”, – не без иронии писал он в связи с этим профессору Нэфу в январе 1942 г. Официальная дипломатическая служба его, впрочем, никогда не привлекала, как, судя по всему, не вызывали особой симпатии и британские дипломаты. Форин офис забит “благопристойными непрофессионалами, которые слишком мало знают как о жизни своей собственной страны, так и той, в которой они работают”, – грустно делился Тоуни своими впечатлениями в частной переписке⁸⁰.

Интересно, тем не менее, что оказавшись в США в начале Второй мировой войны, он очень тонко уловил новый ветер политических настроений американской элиты. В письме Б. Вебб летом 1942 г. Тоуни пророчески писал, что Америка уже скоро “будет готова диктовать всему миру как себя вести. Нет сомнений в том, что мы будем ее первой мишенью, но следующей будет Россия”. Его биограф Р. Террилл справедливо обращает внимание, что уже в эти годы Тоуни, будучи иностранцем, живущим в США, но человеком весьма наблюдательным, смог во многом предсказать умонастроения грядущей эпохи. Позднее, в 1950 г., он довольно емко охарактеризовал американский менталитет времен “холодной войны”: “Периодические приступы истерии необходимы для здоровья американцев. Они вновь и вновь укрепляют свое убеждение в своей исключительной добродетели”⁸¹.

В 1941 г. в журнале “Экономик хистори ревью” Тоуни опубликовал эпохальную для британской историографии статью “Возвышение джентри, 1558–1640”, спровоцировавшую в конце 40 – 50-х годах громкие научные баталии⁸². Вопреки традиционной религиозно-политической интерпретации истории гражданских войн в Англии в середине XVII в., Тоуни обратил свой взор к социально-экономической стороне этих событий. На основе обширных статистических материалов он продемонстрировал упадок в тот период старой английской аристократии, роялистов, выступивших в поддержку короля, и одновременное “возвышение джентри”, нового мелкопоместного дворянства, коммерческой буржуазии, сумевшей адаптироваться к развивающимся капиталистическим отношениям. Неизбежный вывод, вытекающий из его рассуждений, состоял в том, что попытки короля остановить эту тенденцию и привели к кровавым событиям середины XVII столетия.

Едва ли в 1941 г. Тоуни мог в полной мере предвидеть масштаб дискуссии и накал страстей, который спровоцирует эта небольшая по объему публикация. В 1948 г. на страницах того же журнала в его поддержку, но со своей интерпретацией событий, выступил оксфордский историк Л. Стоун. Однако место главного и беспощадного критика концепции “возвышения джентри” в начале 50-х годов занял энергичный британский исследователь Х.Р. Тревор-Ропер. Он подверг жесткой, но весьма субъективной критике статистические подсчеты Тоуни и оспорил выдвинутую им интерпретацию событий. С точки зрения Тревор-Ропера, в конечном счете нельзя было говорить ни об экономическом упадке аристократии, поскольку имелись обратные примеры, ни, тем более, о “возвышении джентри”. Напротив, хозяйства значительной части “настоящих” джент-

⁸⁰ Ibid., p. 90.

⁸¹ Ibid., p. 93.

⁸² *Tawney R.H. The Rise of the Gentry, 1558–1640. – The Economic History Review, 1941, v. XI, № 1, p. 1–38.*

ри – мелких землевладельцев – находились в плохом состоянии, и именно это толкнуло их на бунт против короны⁸³. На протяжении последующих лет в дискуссию оказалось вовлечено множество британских историков, представлявших различные школы и направления⁸⁴.

Сам Тоуни высказался лишь однажды. В 1954 г. он опубликовал на страницах того же журнала “Поскриптум” к своей работе 1941 г. Обвинения, выдвинутые в предыдущие годы против его концепции, “отталкивающая резкость”, в которую критика в ущерб себе самой порой вырождалась, едва ли были ему приятны. В статье Тоуни философски заметил, что даже заблуждающийся с точки зрения других историков коллега не амалекитянин⁸⁵, чтобы “разбивать его наголову”⁸⁶. Со своей стороны, полемизируя с Тревор-Ропером, он представил в работе новые статистические данные в пользу своей концепции “возвышения джентри”.

После появления ответных критических публикаций в середине 50-х годов Тоуни признался своему знакомому, что не видит для себя дальнейшего смысла в продолжении полемики. Р. Террил объясняет это тем, что своей высшей задачей исследователя историк считал не окончательное вынесение вердикта по тому или иному вопросу, а скорее способность поднять проблему и заставить взглянуть на нее с новых позиций⁸⁷. Это Тоуни удалось осуществить в полной мере. Его друг и коллега Т. Эштон писал впоследствии, что до сих пор никто так и не нашел ни одного надежного способа абсолютно точно просчитать перераспределение богатства в период, предшествовавший гражданским войнам в Англии середины XVII в., и философски указывал на то, что в академических спорах, podobных этому, едва ли когда-нибудь можно будет вообще поставить окончательную точку⁸⁸.

Представляется, что в нежелании “инициатора дискуссии” в дальнейшем, в 50-е годы, участвовать в яростном споре на страницах научных изданий немалую роль сыграл и его преклонный возраст. Тоуни был на несколько десятков лет старше своего главного непримиримого оппонента Тревор-Ропера и многих других участников полемики. Судя по всему, к тому времени он не имел не только желания, но и физической возможности в полной мере погрузиться в пучину новых научных “баталлий” и поиска дополнительных доказательств своей теории.

Наряду с историей, в 40-е военные годы внимание Тоуни, конечно же, было приковано к дальнейшей судьбе его страны и возможной роли лейбористской партии в ее послевоенном будущем. Он с энтузиазмом приветствовал формирование коалиционного правительства У. Черчилля в мае 1940 г. и вхождение в него ведущих лейбористских представителей – К. Эттли, Э. Бевина, Г. Моррисона, Х. Далтона и других. Эти люди заняли в кабинете ключевые хозяйственные посты. На их плечи в значительной мере легла координация и функционирование всего британского тылового хозяйства, что существенно подняло престиж лейбористских политиков. В июле 1940 г. в “Нью-Йорк таймс” Тоуни опубликовал статью “Почему Британия сражается”, с корректировками и добавлениями вышедшую затем в 1941 г. в качестве отдельной брошюры⁸⁹. Осознание в критический момент того, что нация не может быть спасена, если лейбористы не разделят с консервативным правительством в полной мере ответственность за ее судьбу,

⁸³ *Trevor-Roper H.R.* The Gentry 1540–1640. – The Economic History Review Supplements. London, 1953.

⁸⁴ См. подробнее: *Шарифжанов И.И.* Указ. соч., с. 24–54; *Согрин В.В., Зверева Г.И., Ренина Л.П.* Современная историография Великобритании. М., 1991, с. 110–117; *Историческая наука в XX веке...*, с. 304–308.

⁸⁵ Амалекитяне – древнее кочевое племя, с которым израильтяне под предводительством Моисея столкнулись после перехода через Красное море.

⁸⁶ *Tawney R.H.* The Rise of the Gentry: A Postscript. – The Economic History Review, August 1954, v. VII, № 1, p. 97.

⁸⁷ *Terrill R.* Op. cit., p. 101–102.

⁸⁸ *Ashton T.S.* Op. cit., p. 475–476, 479.

⁸⁹ *Tawney R.H.* The Attack and Other Papers, p. 76–81; *idem.* Why Britain Fights.

писал он, “будет иметь в будущем огромное значение, если у нас вообще есть какое-то будущее”⁹⁰.

Во-первых, в работе 1940 г. содержалась резкая критика нерешительности британской политической элиты в первые месяцы войны. С точки зрения Тоуни, она привела к “колоссальной военной катастрофе” – спешной эвакуации британского экспедиционного корпуса в районе Дюнкерка, сопровождавшейся, несмотря на спасение людей, потерей практически всего боевого снаряжения и фактически развязавшей Германии руки для наступления на Париж. Во-вторых, уже в 1941 г. на страницах брошюры “Почему Британия сражается” Тоуни призывал современников задуматься над тем, в каком направлении будет развиваться послевоенная реконструкция хозяйства и социальных отношений. Важнейший урок, который он извлек из Первой мировой войны и пытался донести до читателей уже в эти годы, заключался в том, что на этот раз планировать послевоенные реформы нужно задолго до окончания военных действий⁹¹.

В 1943 г. на страницах “Экономик хистори ревью” появилась еще одна принципиальная по своей значимости статья Тоуни “Отмена экономического контроля”, где он убедительно писал об упущенных возможностях в 1918 г. На основании анализа опыта государственного регулирования экономики в условиях Первой мировой войны и последующего демонтажа этого механизма в 20-е годы Тоуни напоминал о необходимости сохранения государственного контроля после Второй мировой войны⁹². Для участника битвы на Сомме было очевидно, что мерило целей и жертв войны – это мир, который последует за ее окончанием. В данном случае размышления Тоуни совпадали с убеждениями и надеждами самой лейбористской партии, активно уже в эти годы занимавшейся обсуждением и планированием послевоенных реформ, связанных с масштабным вовлечением государства в социально-экономическую жизнь, и подготовившей на эту тему немало документов⁹³. Важно и то, что настроения в партии и в стране были как никогда созвучны. Население Великобритании на выходе из войны оказалось наконец, в отличие от межвоенной эпохи, готово голосовать за разработанные социал-демократами смелые, левые послевоенные экономические реформы, что привело к триумфальной победе лейбористов во главе с К. Эттли на выборах в июле 1945 г. и поражению не сумевших это вовремя почувствовать консерваторов.

Тоуни активно участвовал в избирательной кампании 1945 г., а затем 1950 г. в поддержку многих своих более молодых коллег по партии и вспоминал, как на одном из митингов его представили как “древнюю реликвию”, вдовившую дружбу еще с “гигантами” социалистической мысли 1890-х годов. С нескрываемым юмором он писал своему приятелю: “На следующих выборах они преподнесут меня как бывшего чартиста”⁹⁴.

Тоуни в целом приветствовал принятие коалиционным правительством в 1944 г. закона, увеличившего школьный возраст до 15 лет и заложившего в Великобритании основу всеобщего среднего образования, а также послевоенные реформы кабинета К. Эттли, направленные на строительство в стране так называемого “демократического социализма”. Они включали в себя национализацию Английского Банка, передачу в руки государства ряда ключевых отраслей промышленности, социальные изменения, связанные с активным жилищным строительством, созданием бесплатной службы здравоохранения, реорганизацией системы страхования, сразу поставившие Англию по уровню социального обеспечения в авангарде ведущих западных государств. В 1949 г. для специального симпозиума, проходившего в Америке, Тоуни подготовил доклад

⁹⁰ *Tawney R.H. The Attack and Other Papers*, p. 81.

⁹¹ *Tawney R.H. Why Britain Fights*, p. 45.

⁹² *Tawney R.H. The Abolition of Economic Controls, 1918–1921. – The Economic History Review*, 1943, v. XIII, № 1–2, p. 1–30.

⁹³ См., например: *The Old World and the New Society. British Labour on Reconstruction in War and Peace*. New York, 1943.

⁹⁴ *Terrill R. Op. cit.*, p. 97. Чартизм – массовое движение рабочих в Англии в 30–50-е годы XIX в.

“Социал-демократия в Великобритании”, изданный затем в сборнике его трудов, где дал подробную характеристику лейбористским реформам 1945–1948 г., ставшим базой “государства благосостояния” послевоенных десятилетий⁹⁵.

Тем не менее именно он был одним из немногих скептиков, предсказавших победу консерваторов во главе с У. Черчиллем на выборах 1951 г. В основе лейбористского движения всегда был мощный нравственный импульс. Если коллеги по партии больше не в состоянии были воодушевить большинство населения, они не могли и не должны были, с точки зрения Тоуни, победить, с грустью отмечал его биограф Р. Террилл⁹⁶.

После возвращения к власти тори Тоуни написал в 1952 г. последнюю из принципиально значимых работ, посвященных лейбористам, – “Британский социализм сегодня”. С одной стороны, в этой публикации он отдавал должное Эттли и другим министрам второй половины 40-х годов, продемонстрировавшим, что “капиталистическая экономика – это не твердая монолитная глыба, с которой нужно либо смириться, либо, как считали некоторые простаки, ниспровергнуть ее целиком”⁹⁷. С другой стороны, Тоуни не мог не видеть, что так называемый “демократический социализм” лейбористов конца 40-х годов в конечном счете оказался весьма далек от тех высоких стандартов братства, равенства и свободы, без которых построение альтернативы “стяжательскому обществу”, в его представлении, было невысказано.

На страницах работы Тоуни отмечал, что до 1939 г. экономическая система поддерживалась главным образом на голоде и страхе. С появлением после Второй мировой войны широких социальных гарантий и внедрением принципа полной занятости эти опасности отошли на задний план. Однако промышленная политика лейбористов в период премьерства Эттли, по его мнению, явилась наиболее слабым звеном. Тоуни объяснял это тем, что даже в национализированных отраслях люди, живущие на заработную плату, по-прежнему, несмотря на реформы, остались “инструментом для выполнения целей, диктуемых сверху”, а пропасть между руководящей бюрократической верхушкой перешедших в общественную собственность предприятий и рядовыми рабочими стала огромна. Виной тому, по его мнению, были не только работодатели. Сами рабочие оказались пассивны, считал Тоуни. Теоретически они желают свободы, писал он, но на практике слишком часто не готовы взвалить на себя груз ответственности, без которого настоящую свободу обрести нельзя⁹⁸. Не случайно британский историк Д. Ховелл впоследствии отмечал, что отношения между рабочими и менеджерами в национализированных отраслях по сути остались без изменений⁹⁹.

В результате самое главное – нравственный настрой, образ жизни людей, вдохновляемый совместным служением общей цели, заставляющий каждого ощущать себя частью чего-то большего – не нашло, с точки зрения Тоуни, себе места в новой системе координат. В действительности на страницах этой работы в середине XX в. автор не предлагал четких средств и механизмов того, как можно решить данную проблему, отмечая, что предприятия, находящиеся в государственной собственности, могли бы быть “лабораторией для апробации различных моделей промышленной демократии”¹⁰⁰. В итоге воплощение на практике “нравственного выбора”, о котором он писал еще в межвоенные годы, оказалось сопряжено со значительными трудностями и разочарованиями.

Одновременно в начале 50-х годов Тоуни, будучи человеком проницательным, очень четко подметил ключевую проблему, вокруг которой в партии в ближайшее десятилетие развернутся настоящие “баталии”. “Количество отраслей, готовых к незамедлительной

⁹⁵ *Tawney R.H.* The Radical Tradition, p. 152–175.

⁹⁶ *Terrill R.* Op. cit., p. 97.

⁹⁷ *Tawney R.H.* The Radical Tradition, p. 180.

⁹⁸ *Ibid.*, p. 183–185.

⁹⁹ *Howell D.* British Social Democracy. A Study in Development and Decay. London, 1980, p. 175.

¹⁰⁰ *Tawney R.H.* The Radical Tradition, p. 185.

национализации, – писал он в 1952 г., – ограничено”¹⁰¹. Это означало, что во второй половине XX в. лейбористам, после ухода в оппозицию, необходимо было искать иные, более эффективные способы усовершенствования промышленной политики, а огосударствление само по себе вовсе не являлось надежной гарантией строительства совершенного порядка. История отведет лейбористской партии на раздумья 13 лет оппозиции, целую эпоху, конца которой Тоуни уже не застанет.

В 1949 г. он официально закончил свою преподавательскую деятельность. В 1955 г. осуществил пятимесячную поездку в Австралию, а по возвращении завершил свой последний труд по экономической истории, изданный в 1958 г. под названием “Торговля и политика при Якове I”. В ноябре 1960 г. в Палате общин с участием ведущих британских лейбористских политиков и историков помпезно было отпраздновано 80-летие Тоуни. Оставшиеся друзья в эти годы умирали один за другим. Сам Тоуни скончался во сне 16 января 1962 г., завещав все свои сбережения Рабочей учебной ассоциации.

Однажды знакомый архиепископа Темпла признался ему: “То, что нам нужно, это больше таких людей, как Тоуни”. На что архиепископ философски заметил: “Таких людей, как Тоуни, больше нет”¹⁰².

* * *

Он “был ученым, преподавателем, солдатом, писателем, публичной фигурой, и ритм его жизни совпадал с историей его времени”, – писал о Тоуни Р. Террилл¹⁰³. Однако в целом взгляды, нравственные ориентиры героя этого очерка не претерпели в течение долгой и насыщенной событиями жизни какой-либо принципиальной трансформации, иными словами к ее концу Тоуни не стал по своим убеждениям более “левым”, либо более “правым”. Его ранние работы и даже довоенный дневник начала XX в. абсолютно созвучны более поздним публикациям, они написаны рукой одного человека, никогда не терявшего идейного стержня и не адаптировавшего свои высказывания в угоду конъюнктуре. На это обращают внимание практически все исследователи, занимавшиеся Тоуни. Один из них справедливо отмечал, что этот человек в 1960 г., в возрасте 80 лет, был столь же радикален, в британском смысле этого слова, как и 40 лет назад, и мог свободно переиздавать свои общественно-политические работы, посвященные анализу капитализма и социализма, несмотря на все перипетии последних десятилетий¹⁰⁴.

Интересно, что Тоуни никогда не примыкал ни к одному из течений, которые боролись за господство в британской социалистической традиции. Он сам в свое время высказался на эту тему достаточно резко: “Историки, занимающиеся политической мыслью, склонны к поискам истоков и происхождений, как будто идеи переходят от одного к другому подобно собственности”¹⁰⁵. Несмотря на то, что Тоуни был близок фабианским кругам, он никогда не отождествлял себя с ними. Последние отвергали капитализм не только потому, что он не соответствовал их этическим взглядам, но и потому, что видели в нем отживший, неэффективный способ производства¹⁰⁶. Для Тоуни проблема эффективности или неэффективности общественного строя никогда не имела принципиального значения. Не она являлась причиной неприятия им капитализма. Не случайно в своем дневнике он писал: “что является главным, так это не то, чтобы система была эффективной, а чтобы она была справедливой”. Тоуни вообще, в отличие от многих социалистов, не был озабочен созданием какого-либо общества изобилия, и стремление к эффективности никогда не было для него абсолютной ценностью. В том же довоенном дневнике есть еще одна характерная запись: «экономическая наука

¹⁰¹ Ibid., p. 183.

¹⁰² Ibid., p. 223.

¹⁰³ Terrill R. Op. cit., p. 4.

¹⁰⁴ Ibid., p. 5.

¹⁰⁵ Ibid., p. 30.

¹⁰⁶ Галкина Л.А. К критике идеологии фабианства. М., 1984, с. 60.

общественных реформ – фабианизм и т.д. – вся “наука о средствах” терпит неудачу. Они привели в порядок комнату, но не открыли в душе ни одного окна»¹⁰⁷.

Самого автора всю жизнь волновал социализм как комплекс нравственных приоритетов. Его фигура уникальна как раз тем, что он аккумулировал в себе самые широкие представления о социализме, по емкому определению Дж. Фута предложил “социалистическую философию, далеко выходящую за рамки конкретной политической обстановки”¹⁰⁸. Р. Террилл, а вслед за ним и целый ряд других исследователей, подчеркивает, что Тоуни фактически единственный в XX в. британский социалистический мыслитель, которого могли приветствовать со всех сторон – со стороны левых бивенитов¹⁰⁹, правых гейтскеллитов¹¹⁰, гильдейских социалистов, фабианцев, христианских социалистов¹¹¹.

Были ли утопичны его взгляды? С одной стороны, нет. Тоуни никогда не рисовал социализм как некую до мельчайших деталей продуманную картину, раз и навсегда зафиксированную “утопию” на фоне исторического развития. С другой стороны, заданная им нравственная планка, ориентация на воплощение в жизнь высоких этических ценностей нередко заставляла Тоуни забывать о “низменных” реалиях общественной жизни. В результате даже политика лейбористской партии, с которой так или иначе была связана вся его жизнь, порой не находила у него поддержки, а заложенное ею после Второй мировой войны так называемое “государство благосостояния” вызвало неоднозначную оценку и не принесло полного удовлетворения.

На фоне многочисленных британских левых публицистов Тоуни всегда будет стоять особняком. Его книги разительно отличались по стилю. Тоуни принято называть мастером английской прозы. Его язык был ироничен, богат и разнообразен. Исследователи, занимающиеся творчеством Тоуни, справедливо отмечают, что его исторические и “социалистические” издания абсолютно идентичны по манере подачи материала. Он никогда не считал нужным “упрощать” то, о чем писал специально для рабочих. “Социалистические книги” автора усыпаны высказываниями на французском, немецком, латинском языках. Тоуни не был склонен жертвовать изысканно закрученной фразой и никогда не заботился о том, насколько это будет понятно “неподготовленному читателю”. Одновременно в общественно-политических размышлениях Тоуни на страницах его публикаций не было никакого расчета. Он писал так, как чувствовал. Даже не глядя на обложку, сегодня его книги невозможно перепутать ни с каким другим автором.

В своем эссе о Тоуни, пытаясь припомнить его недостатки, Х. Гейтскелл называет жесткую бескомпромисность, не всегда позволявшую ему успешно работать в команде, нетерпение и порой раздражительность. Тем не менее основное, на что Гейтскелл обращает внимание, – это то, что “в глубине сердца он никогда не считал себя в чем-то выше или лучше других людей”¹¹². Очевидно, это в какой-то мере и было, с точки зрения Тоуни, воплощение равенства. Представляется, что в самом главном он и поныне остается современным. На заре XX в. Тоуни сумел во весь голос заявить, что ценности вневременного порядка не должны и не могут быть растоптаны грядущей цивилизацией. Он предложил нравственную альтернативу “стяжательскому обществу”, и до тех пор, пока сильно меняющийся мир остается по сути своей таковым, его размышления в той или иной мере будут востребованы.

¹⁰⁷ R.H. Tawney's *Commonplace Book*, p. 70, 50–51.

¹⁰⁸ Foote G. *The Labour Party's Political Thought. A History*. London, 1985, p. 72.

¹⁰⁹ Бивениты – “левое крыло” лейбористской партии в 50-е годы, сторонники Э. Бивена.

¹¹⁰ Гейтскеллиты – “правое крыло” партии, сторонники Х. Гейтскелла.

¹¹¹ Terrill R. *Op. cit.*, p. 277.

¹¹² Tawney R.H. *The Radical Tradition*, p. 222–223.